

DOI: 10.31696/S086919080039165-8

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ

© 2026

Д.Г. БДОЯН^а, Э.С. МАНАШИРОВ^б^а – МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-2810-3808; d.g.bdoyan@gmail.com

^б – НИУ ВШЭ, Москва, Россия

ORCID: 0009-0008-4453-4051; manashirov25@gmail.com

Резюме: С приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) Анкара начала вести независимую и проактивную внешнюю политику в сопредельных регионах. Одна из ключевых внешнеполитических целей Р.Т. Эрдогана заключается в достижении регионального лидерства на территориях бывшей Османской империи и превращение Турции в лидера как мусульманского, так и тюркского мира. В связи с этим в 2009 г. в Нахичеване лидеры Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Турции подписали соглашение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркский совет). В конце 2021 г. на саммите в Стамбуле Тюркский Совет был переименован в Организацию Тюркских Государств (ОТГ). В эту организацию в настоящее время входят Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Турция и Узбекистан, наблюдателями являются Венгрия, Туркменистан и частично признанный Северный Кипр. Усиление влияния Турции в тюркском мире, особенно в постсоветских тюркоязычных республиках, напрямую затрагивает интересы Российской Федерации, что, в свою очередь, приводит к ещё большему усложнению двусторонней повестки.

В статье анализируется процесс институционализации сотрудничества тюркоязычных стран в рамках Организации тюркских государств и её воздействие на современный этап российско-турецких отношений. Рассматривается эволюция пантюркистских идей и их трансформация в интеграционный проект «неопантюркизма», где Турция стремится занять лидирующие позиции. Исследуется двойственный характер влияния ОТГ на отношения между Москвой и Анкарой, который одновременно создаёт новые точки для геополитического соперничества в Центральной Азии и на Южном Кавказе, но не отменяет прагматического партнёрства в других сферах. Делается вывод, что ОТГ становится важным фактором, усложняющим и без того многогранное взаимодействие России и Турции, формируя модель «конкурентного сотрудничества», где обе державы вынуждены постоянно балансировать между соперничеством за влияние и необходимостью решения общих стратегических задач.

Ключевые слова: Организация тюркских государств, российско-турецкие отношения, геополитика, пантюркизм, Центральная Азия, Южный Кавказ, внешняя политика Турции

Для цитирования: Бдоян Д.Г., Манаширов Э.С. Организация тюркских государств и её влияние на российско-турецкие отношения. *Восток (Oriens)*. 2026. № 4. С. 222–234. DOI: 10.31696/S086919080039165-8

ORGANIZATION OF TURKIC STATES AND ITS INFLUENCE
ON RUSSIAN-TURKISH RELATIONS

© 2026

David G. BDOYAN ^a, Eldar S. MANASHIROV ^b^a – MGIMO University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-2810-3808; d.g.bdoyan@gmail.com

^b – HSE University, Moscow, Russia

ORCID: 0009-0008-4453-4051; manashirov25@gmail.com

Abstract: *After the Justice and Development Party came to power in Turkey, Ankara began to pursue an independent and proactive foreign policy. One of the key goals of Erdogan is to achieve regional leadership and transform Turkey into a leader of both the Muslim and Turkic world. In this regard, in 2009 the leaders of Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Turkey signed an agreement on the establishment of the Cooperation Council of Turkic-speaking States (Turkic Council). In 2021 the Turkic Council was renamed the Organization of Turkic States. Turkey's growing influence in the post-Soviet Turkic-speaking republics directly affects the interests of the Russian Federation, which leads to an even greater complication of the bilateral agenda.*

The article analyzes institutionalization of cooperation between Turkic-speaking countries within the Organization of Turkic States (OTS) and its impact on the current state of Russian-Turkish relations. The evolution of pan-Turkist ideas and their transformation into a pragmatic project of “neo-Turkism”, where Turkey seeks to take a leading position, is considered. It examines the dual nature of the OTS's influence on relations between Moscow and Ankara, which simultaneously creates new points for geopolitical rivalry in Central Asia and the South Caucasus, but does not negate pragmatic partnership in other areas. It is concluded that OTS is becoming an important factor complicating the already multifaceted interaction between Russia and Turkey, forming a model of “competitive cooperation”, where both powers are forced to constantly balance between rivalry for influence and the need to solve common strategic problems.

Keywords: Organization of Turkic states, Russian-Turkish relations, geopolitics, pan-Turkism, Central Asia, South Caucasus, foreign policy of Turkey

For citation: Bdoyan D.G., Manashirov E.S. Organisation of Turkic States and its Influence on Russian-Turkish Relations. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 4. Pp. 222–234. DOI: 10.31696/S086919080039165-8

ВВЕДЕНИЕ

Целью данного исследования является определение влияния деятельности Организации тюркских государств на российско-турецкие отношения. Эволюция двусторонних отношений показывает, что Россия и Турция способны к ситуационному сближению и прагматическому взаимодействию, однако это не исключает конкуренции [Айар, Арслан, 2023, с. 123]. В ходе исследования был проведен исторический анализ эволюции ОТГ от многосторонней совещательной площадки к полноценной международной организации, а также качественный контент-анализ основных итоговых документов Организации с её 8-го саммита, прошедшего 12 ноября 2021 г., на котором было принято решение переименовать организацию из «Тюркского совета» в «Организацию тюркских государств».

В рамках исследования проанализированы декларации регулярных саммитов, специальных встреч на высшем уровне в г. Анкаре (2023), г. Шуши (2024) и г. Будапеште (2025), а также официальные программные документы организации – «Хартия Тюркских государств» и «Тюркское видение – 2040». В результате анализа сделаны выводы о том, какие направления сотрудничества в рамках ОТГ затрагивают интересы России в регионах Южного Кавказа и Центральной Азии и каким образом данные направления деятельности могут сосуществовать в рамках стратегии России на построение Большого Евразийского партнерства.

КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Современная система международных отношений характеризуется возрастающей ролью региональных объединений, которые становятся важными акторами на мировой арене. Долгое время в научной литературе приоритет отдавался изучению европейской модели интеграции ввиду её наибольшей успешности на неолиберальном этапе развития человечества. Интеграция в рамках Европейского союза считалась эталоном успеха внутри-регионального сотрудничества, но сегодня государства мира всё чаще отдают предпочтения другим формам политической и экономической интеграции в форме «сетевых союзов», которые могут иметь вид консультативных площадок или же полноценных институционализированных международных организаций с собственным секретариатом и финансированием [Юйянь, 2023, с. 80].

Помимо этого, наблюдается укрепление цивилизационного фактора самоидентификации государств мира. Традиционно цивилизационный подход рассматривает крупные общности, объединенные духовной и материальной культурой, историей, языком в качестве отдельных акторов международных отношений. В Концепции внешней политики России 2023 г. появляется новый термин – «государство-цивилизация», главными характеристиками которого являются «тысячелетний опыт самостоятельной государственности», «культурное наследие предшествовавшей эпохи», «глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии», «умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп» [*Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023*].

Наиболее известным трудом, затрагивающим данное видение геополитики, является «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона. Американский исследователь выделял в своей работе восемь крупных цивилизаций: западную, конфуцианскую (китайскую), японскую, исламскую, индуистскую, африканскую, латиноамериканскую и православно-славянскую. Нетрудно заметить, что все государства Ближнего Востока, включая Турцию, С. Хантингтон включает в одну цивилизационную группу – исламскую, что является классическим примером западного ориентализма – упрощенного восприятия восточных культур [Huntington, 1996]. Сегодня Турецкая Республика под руководством Р.Т. Эрдогана осуществляет «цивилизационный поворот» – переход Турции от светской, националистической самоидентификации, заложенной в качестве основы государства М.К. Ататюрком, к идеологии «неоосманства», которая опирается на исламскую традицию и османское наследие. В рамках этого перехода, помимо стремления Турции стать лидером исламского мира и доминирующим актором на территориях бывшей Османской империи, особое место занимает стремление Анкары построить новую интеграционную архитектуру «тюркского мира». Стоит отметить, что к практическим шагам по объединению тюркских государств и по усилению в них своего влияния Турция приступила фактически сразу после распада

Советского Союза, то есть ещё до прихода к власти происламской Партии справедливости и развития и Р.Т. Эрдогана с его «неоосманской» идеологией.

В настоящее время инструментом для реализации этой внешнеполитической цели Турции является Организация тюркских государств (ОТГ). Основным скрепляющим элементом данной организации является общность языка и культуры. В связи с этим в 2024 г. Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан и Турция приняли решение внедрить единый алфавит из 34 букв на основе латиницы¹. Вместе с этим деятельность ОТГ выходит далеко за рамки культурного и гуманитарного взаимодействия, затрагивая экономические, транспортные и политические вопросы. Это, в свою очередь, приводит к конкуренции с китайской инициативой «Один пояс – один путь» и российской инициативой Большого Евразийского партнерства. В недавно принятом стратегическом документе «Видение Тюркского мира – 2040» прописано, что первостепенной целью членов ОТГ является создание свободной экономической зоны, обеспечивающей беспрепятственный товарооборот между странами. Одновременно Турция, будучи ключевым государством ОТГ, на международных площадках активно продвигает концепцию «мир есть больше, чем пять», выступая за расширение пятерки постоянных членов Совета Безопасности ООН за счет самой Анкары, презентуя Турцию как государство, которое за счет функционирования ОТГ может защищать интересы многих государств и народов.

Для Российской Федерации, исторически считающей постсоветское пространство зоной своих стратегических интересов, усиление ОТГ под эгидой Турции представляет собой новый вызов, требующий осмысления и выработки ответной стратегии. Актуальность данного исследования обусловлена уникальным характером современных российско-турецких отношений, которые развиваются по сложной траектории. Элементы сотрудничества и соперничества сохраняются по всем основным направлениям взаимодействия, начиная от построения системы безопасности на Ближнем Востоке (учитывая факторы Сирии, Ливии, Ирана, Палестины) и заканчивая вопросами энергетического сотрудничества, в том числе совместного развития атомной энергетики [Đukić et al., 2022, p. 57]. Особо напряженная ситуация складывается в регионах Южного Кавказа и Центральной Азии, которые по мере деятельности ОТГ всё более дрейфуют от постсоветской идентичности к пантюркистской. Этническая, лингвистическая и конфессиональная многообразность ряда государств-членов и наблюдателей ОТГ ещё больше усложняют эту динамику.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОТГ

Распад СССР поспособствовал формированию беспрецедентной ситуации на территории новых независимых государств. В большинстве из них наблюдалось сохранение рудиментов советской идентичности, но некоторые государства начали искать новые национальные идеи. Для Турецкой Республики это стало возможностью заявить о себе как о новом игроке в ряде государств Южного Кавказа и Центральной Азии. Турция была одним из первых государств, которое признало независимость вновь образованных республик, а все представители тюркских народов, проживавших на их территории, стали именоваться «внешними турками» [Аватков, 2018, с. 17].

С 90-х гг. XX века турецкая политика характеризуется двойственностью, связанной с евразийским характером турецкой государственности и идентичности. Долгое время Анкара стремилась к большей интеграции с Европейским союзом (ЕС), руководящая Турцией происламская Партия справедливости и развития, пришедшая к власти в 2002 г., рассматривала в качестве основной внешнеполитической цели Турции вступление в ЕС.

¹ Центральнoазиатские страны отказываются от кириллицы [*Независимая газета*. 15.12.2025].

Однако со временем, убедившись в том, что европейские элиты не готовы пойти на принятие Турции в состав ЕС, в том числе из-за цивилизационных факторов, Р.Т. Эрдоган всё больше стал склоняться к реализации идеи «неоосманизма», стремясь превратить Турцию в самостоятельный региональный, а в перспективе и глобальный центр силы [Аватков, Сбитнева, 2024, с. 133]. Несмотря на кажущуюся диаметрально противоположность данных этапов развития турецкой внешней политики, приоритет интеграции с тюркскими народами оставался неизменным.

Строительство тюркской идентичности началось с начала 90-х гг. Уже в 1992 г. было сформировано Турецкое Агентство по международному сотрудничеству и развитию (ТИКА), а первый его офис открылся в Туркменистане. На следующий год была сформирована Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ). В деятельности данных структур сразу же наблюдается ключевое отличие тюркской интеграции от европейской. Если европейская интеграция строится на формировании новой, «европейской» идентичности, которая не связана с идентичностями каких-либо государств Европы, то тюркская интеграция крепко завязана на тех характеристиках, которые описывают сегодня турецкую идентичность. Турция становится центром тюркского мира, и именно она определяет, что входит в тюркский моральный и культурный код, а что остается за его рамками [Аватков, Кудряшова, 2023, с. 375]. Показательна в этом плане официальная веб-страница ТИКА, на которой описание деятельности организации начинается с описания эпохи распада Советского Союза и акцентов на том, что именно Турция первой признала новые независимые государства и предоставила им помощь в их становлении.

Изначально Турция активно способствовала проведению неформальных саммитов тюркоязычных государств. Первое подобное мероприятие прошло в 1992 г. На ранних этапах встречи были скорее площадками для обмена мнениями и деклараций о культурной общности, чем механизмами для реализации конкретных проектов. Отсутствие постоянного секретариата, чёткого устава и финансирования ограничивало их эффективность и не давало перейти от риторики к реальным действиям. Данный период можно охарактеризовать как стадию «осознания общности», когда лидеры новых независимых государств стремились найти новые, альтернативные России формы взаимодействия на основе историко-культурных связей.

Однако со временем стало очевидно, что для достижения более осязаемых результатов необходима более прочная организационная структура. В 2009 г. было заключено Нахичеваньское соглашение, по которому учреждался Тюркский совет сотрудничества тюркоязычных государств (Тюркский совет) с собственным Секретариатом и финансированием. Данный шаг стал переломным, поскольку он ознаменовал переход от неформальных консультаций к полноценной международной организации. Главными органами в рамках Тюркского совета стали: Совет глав государств, Совет министров иностранных дел и Комитет высокопоставленных официальных лиц.

С появлением собственного Секретариата, бюджета и юридического статуса Тюркский совет получил возможность координировать действия стран-участниц по широкому спектру вопросов – от экономики и транспорта до культуры и образования. Это было качественным изменением формата сотрудничества, которое помогло начать реализацию долгосрочных проектов и программ, причём в уставном документе прописано тесное сотрудничество Тюркского совета с вышеупомянутыми организациями – ТЮРКСОЙ и ТИКА, а также с Парламентской ассамблеей тюркоязычных государств.

Преобразование Тюркского совета в Организацию тюркских государств в 2021 г. стало логичным продолжением этого процесса. Данное решение было принято на 8-м саммите Тюркского совета в Стамбуле, но фактически имело целью «ребрендинг» интеграционной

структуры и придание ей более «стройной» формы [*Declaration of the Eighth Summit*, 2021]. У ОТГ появился собственный флаг и эмблема, которые стали символами пантюркизма. Страны договорились о повышении бюджета организации, и она начала затрагивать не только вопросы культурно-гуманитарного сотрудничества, а всерьез соперничать с другими торгово-экономическими, транспортно-логистическими и валютно-финансовыми проектами на Евразийском континенте. Переход к наименованию совета Организацией показал новый уровень амбиций, в том числе в контексте принятия нового стратегического документа «Видение Тюркского мира – 2040», которое стало определённой «дорожной картой» тюркского сотрудничества на ближайшие десятилетия.

Особым этапом на пути к институциональному становлению стало принятие Хартии Тюркского мира в 2024 г. Данный документ имеет приоритетно культурно-гуманитарный характер и перечисляет базовые принципы тюркской интеграции, а именно: приоритет братских связей, постоянство духа солидарности, общее тюркское пространство, единство тюркского достояния, мультикультурализм и уважение религиозных норм, вовлечённость в международное сообщество. Каждому из принципов уделено отдельное внимание, но также делается акцент на «тюркской исключительности», в которую включены достоинства тюркских народов в науке и моральных принципах, а также общий тюркский алфавит – одна из ключевых инициатив Турции, посредством которой страна стремится наращивать своё влияние в странах Южного Кавказа и Центральной Азии на современном этапе [*Charter of the Turkic World*, 2024].

Для Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Турции и Узбекистана, а также для наблюдателей – Венгрии и Туркменистана платформа стала инструментом для диверсификации внешних связей и снижения зависимости от традиционных центров силы [Гасанова, 2022, с. 54]. Турция предоставляет данным странам альтернативный вектор для диверсификации внешнеполитических связей. Для Азербайджана поддержка Турции стала в том числе одним из определяющих факторов, благодаря которому был восстановлен контроль над территорией Нагорного Карабаха. Турция в некоторой степени пытается позиционировать себя гарантом достижения национальных интересов тюркских государств [Narutunyan et al., 2025, p. 132].

Таким образом, Организация Тюркских государств трансформировалась в полноценную международную организацию. ОТГ в первую очередь отвечает интересам инициатора её создания и основного участника – Турции. Вместе с тем остальные члены этой организации получают ситуативную выгоду и возможность диверсифицировать свою внешнюю политику, играя на противоречиях крупных региональных и глобальных игроков.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ОТГ

С 8-го Саммита ОТГ, который прошел 12 ноября 2021 г. в Стамбуле и положил начало Организации под тем названием, под которым она известна сегодня, Итоговые заявления глав государств становятся максимально упорядоченными и включают 6 блоков сотрудничества (см. рис. 1).

На рис. 1 наглядно показано, что приоритетное внимание в упомянутых документах уделяется именно торгово-экономическому сотрудничеству. Вопросы политики и безопасности традиционно занимают вторую строчку, а культурно-гуманитарное сотрудничество – третью. Данные показатели свидетельствуют о том, что ОТГ превратилась из организации, которая занимается исключительно вопросами культуры, в платформу для всеобъемлющего диалога между тюркоязычными государствами, преимущественно в сфере экономики.

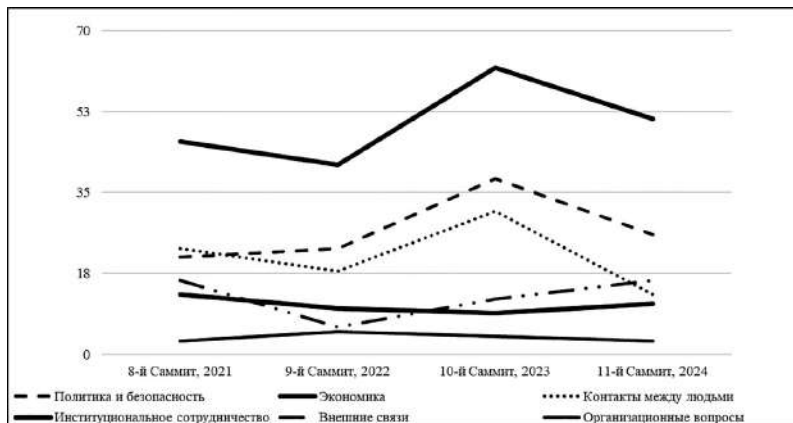

Рис. 1. Число положений Итоговых документов Саммитов Организации тюркских государств с 2021 по 2024 гг. по затрагиваемым темам. Источник: составлено автором Э.С. Манашировым.

Fig. 1. The number of provisions of the Final Documents of the Summits of the Organization of Turkic States from 2021 to 2024 on the topics covered. Source: compiled by the author E. Manashirov.

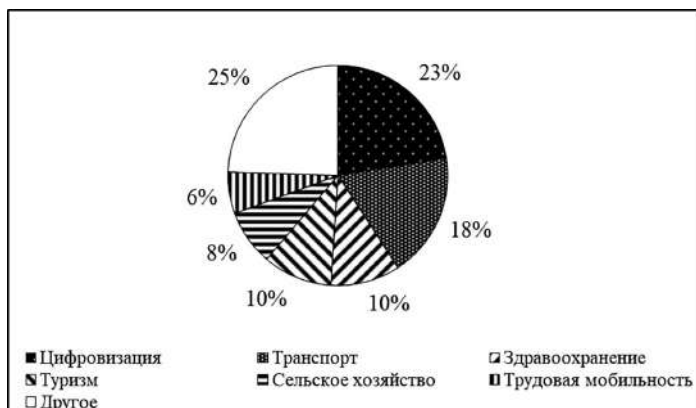

Рис. 2. Процент положений Итоговых документов Саммита Организации тюркских государств в Бишкеке в 2024 г. по блокам (слева) и процент положений в экономическом блоке по направлениям сотрудничества. Источник: составлено автором Э.С. Манашировым.

Fig. 2. Percentage of provisions of the Final Documents of the Summit of the Organization of Turkic States in Bishkek in 2024 by blocks (on the left) and the percentage of positions in the economic block in the areas of cooperation. Source: compiled by the author E. Manashirov.

Как показано на рис. 2, почти половина (42%) Итогового документа Саммита ОТГ в Бишкеке в 2024 г. была посвящена экономическому сотрудничеству, причём главные акценты расставлены на взаимодействии тюркских государств в сфере цифровизации экономики, а также в сфере развития транспортно-логистического каркаса Евразийского континента.

Количественный контент-анализ Итоговых документов Саммитов ОТГ с 2021 по 2025 гг., показанный на рис. 3, подтверждает упомянутые тезисы. Наиболее активно про-

Рис. 3. Наиболее часто встречающиеся слова, обозначающие направления сотрудничества, в Итоговых документах Саммитов Организации тюркских государств с 2021 по 2025 гг.

Источник: составлено автором Э.С. Манашировым.

Fig. 3. The most common words denoting areas of cooperation in the Final Documents of the Organization of Turkic States Summits from 2021 to 2025. Source: compiled by the author E. Manashirov.

движется именно торгово-экономическое сотрудничество, причём с особым акцентом на его транспортный компонент. В последних документах в повестку также включается компонент безопасности, который все чаще используется Турцией для подчеркивания единства Тюркского мира.

ФАКТОР ОТГ В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Несмотря на то что ОТГ как организация является достаточно новым игроком на международной арене, она вписывается в уже существующую модель российско-турецкого взаимодействия, которую можно охарактеризовать как «конкурентное сотрудничество» [Комаревцева, Гайфутдинов, 2022, с. 767]. Данная модель предполагает, что, несмотря на геополитическое соперничество в одних регионах, страны способны поддерживать прагматичное и взаимовыгодное партнёрство в других.

Текущая геополитическая обстановка, характеризующаяся усилением санкционного давления Запада на Россию, оказывает значительное влияние на динамику российско-турецких отношений и деятельность ОТГ [Айар, Арслан, 2023, с. 138]. Взаимоотношения двух стран, традиционно отличающиеся сложным переплетением конкуренции и сотрудничества, сегодня обретают новые черты. После введения масштабных санкций со стороны западных стран Россия столкнулась с необходимостью диверсификации своих внешне-экономических связей. В данном случае Турция, обладающая развитой экономикой и относительно независимой внешней политикой, не присоединилась к западным санкциям, что позволило ей стать важным транзитным пунктом для российских товаров, а также источником импорта, замещающего западные аналоги потребительских товаров. Двусторонний товарооборот значительно вырос, что подчеркивает взаимозависимость экономик двух стран. Также Турция выступает в роли транспортного хаба, так как её порты и логисти-

ческие сети используются для организации так называемого «параллельного импорта», чтобы российским компаниям получать товары из третьих стран. Маршруты через Турцию стали важной альтернативой европейским логистическим коридорам, которые были закрыты или значительно ограничены.

Для Турции взаимодействие с Россией имеет не меньшее значение. Анкара использует отношения с Москвой как важный инструмент для поддержания баланса в своей многовекторной внешней политике. Турция, будучи членом НАТО, стремится к независимости в принятии решений и не желает полностью следовать западной повестке дня. Сотрудничество с Россией даёт ей возможность маневрировать между различными центрами силы и укреплять свой региональный суверенитет [Айар, Арслан, 2023, с. 127]. Таким образом, Россия и Турция являются ключевыми игроками в урегулировании конфликтов на Ближнем Востоке, Южном Кавказе и в Черноморском регионе. Их взаимодействие, которое часто характеризуется как «конкурентное сотрудничество», направлено на недопущение конфронтации и на поиск компромиссных решений. Помимо этого, Россия остаётся одним из основных поставщиков газа и нефти для Турции. Совместные проекты, такие как газопровод «Турецкий поток» и строительство АЭС «Аккую», являются ярким примером стратегического партнерства и взаимной зависимости. Они создают долгосрочную основу для диалога и снижают вероятность открытой конфронтации.

Однако тесное торгово-экономическое сотрудничество Турции со странами Южного Кавказа и Центральной Азии безусловно является вызовом для национальных интересов России. Что касается вопросов цифровизации, то здесь могут быть найдены определенные компромиссы. Одной из главных инициатив в этой сфере является подписание многостороннего Соглашения о партнерстве в сфере цифровой экономики, которое должно стать основой цифровой торговли между государствами тюркского мира [*Declaration of the Eleventh Summit*, 2024]. Данная инициатива может быть полезной и для Российской Федерации, чьи уполномоченные экономические операторы заинтересованы в выходе на новые рынки, но пока что имеют ограниченную возможность из-за санкционного давления. В перспективе Россия могла бы присоединиться к этому партнерству для построения большой зоны свободной цифровой торговли на Евразийском континенте.

Что касается транспортно-логистического сотрудничества, интересы Турции здесь стоят диаметрально противоположно российским. Особое значение в документах ОТГ уделяется Транскаспийскому международному транспортному коридору, который также называют «Срединным». Данный проект является альтернативным путем из Китая в Европу в обход России, поставки по территории которой в настоящее время страдают из-за санкционного давления. Транскаспийский маршрут имеет несколько недостатков, а именно отсутствие необходимой железнодорожной сети на территории Кыргызстана, что так и не получается решить даже в условиях существования проекта железной дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан». Помимо этого, нерешённым до конца остается вопрос, связанный с так называемым «Путем Трампа во имя международного мира и процветания» – маршрутом по территории Армении, который может в перспективе соединить Азербайджан с его анклавом Нахичеванской Автономной Республикой и, соответственно, с Турцией. В случае разблокировки транспортных коммуникаций между Арменией и Азербайджаном интересы России в этом регионе понесут серьезные издержки, что и является сегодня для России одним из главных геоэкономических вызовов на Евразийском континенте.

Примечательно, что после Второй Карабахской войны ОТГ провела внеочередной саммит глав государств в карабахском городе Шуши и приняла «Карабахское совместное заявление» [*Garabagh Declaration*, 2024]. В этом заявлении страны-члены Организации поприветствовали подписание Соглашения между КНР, Узбекистаном и Кыргызстаном

по поводу упомянутой выше железной дороги, а также выразили стремление наращивать усилия по модернизации железной дороги «Баку – Тбилиси – Карс» и «Транскаспийского маршрута». Наиболее важными в этом документе являются пункт о признании «особого статуса города Шуши в объединении тюркских народов» и заявление о том, что «восстановление территориальной целостности» Азербайджана стало «показателем единства Тюркского мира».

Действительно, с началом обострения ситуации на Южной Кавказе и использования Азербайджаном военного пути разрешения конфликта деятельность ОТГ приобрела не только экономический, гуманитарный, но и ярко выраженный военно-политический характер. Всё чаще на высоком и высшем уровнях делаются заявления о политическом единстве государства Тюркского мира и продвигаются геополитические интересы Турции. Так, в 2024 г. в Саммите ОТГ впервые принял участие Президент Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК) – частично признанного государства (признала только Турция), которое было образовано в 1983 г. в результате замороженного конфликта между греческим и турецким населением острова Кипр [*Declaration of the Eleventh Summit*, 2024]. ТРСК стала наблюдателем при ОТГ. Соответственно, используя ОТГ, Турция уверенно продвигает свои интересы в сопредельных регионах.

В итоговых документах саммитов ОТГ также были зафиксированы положения о развитии военно-технического и оборонного сотрудничества между странами-членами организации. Успехи Турции в производстве беспилотников и других видов вооружений значительно повысили её международный авторитет и способствуют данному процессу [Юйянь, 2023, с. 86]. В Будапештской декларации внеочередного Саммита ОТГ 2025 г. подчёркивается, что страны вновь повторяют стремление развивать «продуктивное многостороннее сотрудничество в рамках ОТГ в сфере оборонной промышленности» (...) [*Budapest Declaration*, 2025]. Таким образом, ОТГ для Турции – это не только гуманитарный проект, основанный на культурной общности и «мягкой силе» страны, но и эффективный механизм проецирования «жёсткой силы».

Для России активная военно-политическая деятельность Турции, страны члена НАТО, в сопредельных регионах создаёт дополнительные риски и угрозы. Особенно ярко это просматривается в Закавказском регионе, который Анкара в настоящее время стремится переформатировать под свои интересы.

Хотя ОТГ пока что не может считаться прямым военно-политическим врагом России, эта организация вполне подходит под определение геополитического соперника в борьбе за экономическую и политическую интеграцию постсоветского пространства. А в условиях глобальной нестабильности, СВО и развития тюркистских идей в Азербайджане, Абхазии и странах Центральной Азии приоритетной задачей для России является недопущение формирования на своих южных границах умеренно отдаленной от Москвы культурно-этнической группы государств, которая в перспективе может превратиться в единый антироссийский блок.

Проведенный анализ показывает, что Организация тюркских государств превратилась в значимый фактор евразийской геополитики и оказывает существенное влияние на динамику российско-турецких отношений. Являясь одним из ключевых инструментом внешней политики Анкары, ОТГ помогает Турции систематически укреплять своё присутствие в Центральной Азии и на Южном Кавказе, предлагая странам региона альтернативную модель сотрудничества, основанную на идеях тюркской общности. Для России такая деятельность представляет собой стратегический вызов, поскольку она напрямую затрагивает её традиционную сферу влияния и создаёт конкуренцию интеграционным проектам под эгидой Москвы. Если в зародышевом состоянии организации тюркской интеграции

фокусировали внимание на вопросах культурно-гуманитарного сотрудничества, то сейчас всё чаще заявляют об общих торгово-экономических проектах и сотрудничестве в сфере обороны, что становится угрозой для интересов России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Организация тюркских государств (ОТГ) выступает как долгосрочный проект Турции, направленный на укрепление её позиций в тюркском мире. Для Анкары ОТГ – это не только культурно-гуманитарная платформа, но и важный геополитический инструмент для расширения своего влияния на Кавказе и в Центральной Азии [Гасанова, 2022, с. 55]. Деятельность ОТГ добавляет ещё один уровень сложности в российско-турецкие отношения. Усиление турецкого влияния на постсоветское пространство вызывает настороженность в Москве. Проекты ОТГ, направленные на создание новых транспортных и логистических коридоров в обход России (например, Транскаспийский международный транспортный маршрут), воспринимаются как прямая конкуренция.

Однако, несмотря на потенциальные точки трения, на данном этапе деятельность ОТГ не приводит к полному разрыву прагматического взаимодействия между Россией и Турцией. Обе страны демонстрируют способность управлять своей конкуренцией, не допуская её перерастания в открытый конфликт. Москва предпочитает выстраивать свою политику, опираясь как на двусторонние отношения с каждой из стран-участниц ОТГ, так и по линии СНГ, ЕАЭС и ОДКБ, чтобы сохранить свои позиции в регионе. В условиях глобальной нестабильности и санкционного давления прагматичное партнерство становится ещё более важным. ОТГ выступает как один из факторов, формирующих новую архитектуру региональных отношений. Она бросает вызов традиционным сферам влияния, но в то же время не является непреодолимым препятствием для взаимовыгодного сотрудничества. Таким образом, обе страны заинтересованы в сохранении диалога и предотвращении перерастания конкуренции в открытую конфронтацию. Будущее отношений между Россией и Турцией будет определяться их способностью находить новые точки соприкосновения и минимизировать конфликтные потенциалы, порождаемые в том числе и деятельностью Организации тюркских государств.

Влияние ОТГ на российско-турецкие отношения нельзя оценивать однозначно. Оно, безусловно, усиливает элемент соперничества, добавляя новые измерения в их геополитическую конкуренцию. Борьба за экономические проекты, транспортные коридоры и политическое влияние в постсоветских тюркских республиках становится более острой. Однако соперничество не отменяет сложившейся модели прагматического партнёрства между Москвой и Анкарой в других областях. Обе страны продемонстрировали способность разделять сферы интересов и находить взаимовыгодные решения по сложным вопросам, таким как сирийское урегулирование или сотрудничество в энергетике.

Таким образом, можно с уверенностью предположить, что ОТГ усложняет и без того многогранную архитектуру российско-турецких отношений, но не разрушает её. В обозримой перспективе взаимодействие между Москвой и Анкарой, вероятно, продолжит развиваться в рамках парадигмы «конкурентного сотрудничества». России необходимо нейтрализовать вызовы, исходящие от ОТГ, путём укрепления связей со странами Центральной Азии и Кавказа, в то время как Турция продолжит использовать организацию для расширения своего влияния. Дальнейшее развитие ситуации будет зависеть от множества факторов, а также от глобальной геополитической конъюнктуры, внутренней стабильности стран-участниц ОТГ и способности Москвы и Анкары поддерживать хрупкий баланс между соперничеством и партнёрством, не переходя «красные линии» друг друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аватков В.А. Тюркский мир и тюркские организации. *Мировая политика*. 2018. № 2. С. 11–25 [Avatkov V.A. The Turkic world and Turkic organizations. *World Politics*. 2018. No. 2. Pp. 11–25 (in Russian)].
- Аватков В.А., Кудряшова Д.А. Общeturкская и общеевропейская идея: сходства и различия. *Постсоветские исследования*. 2023. Т. 6. № 4. С. 370–377 [Avatkov V.A., Kudryashova D.A. Common Turkish and Pan-European idea: similarities and differences. *Post-Soviet Studies*. 2023. T. 6. No. 4. Pp. 370–377 (in Russian)].
- Аватков В.А., Сбитнева А.И. Между Западом и Незападом: Турция перед лицом геостратегического выбора. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2024. Т. 26. № 1. С. 131–142 [Avatkov V.A., Sbitneva A.I. Between West and Non-West: Turkey at a crossroad of geostrategic choice. *RUDN Journal Political Science*. 2024. Vol. 26. No. 1. Pp. 131–142 (in Russian)].
- Айар Б., Арслан О. Эволюция российско-турецких отношений: идейное сближение и прагматическое сотрудничество. *Вестник международных организаций*. 2023. Т. 18. № 3. С. 120–141 [Ayar B., Arslan O. The Evolution of Russian-Turkish Relations: Ideational Convergence and Pragmatic Cooperation. *International Organizations Research Journal*. 2023. T. 18. No. 3. Pp. 120–141 (in Russian)].
- Гасанова А.Б. Неопантюркизм и Организация тюркских государств. *Запад – Восток – Россия 2021*. Ред. А.С. Прозоровский, В.Г. Хорос. Москва: ИМЭМО РАН, 2022. С. 52–56 [Hasanova A.B. Neo-Turkism and the Organization of Turkic States. *West – East – Russia 2021*. A.S. Prozorovsky, V.G. Khoros (eds.) Moscow: IMEMO RAS, 2022. Pp. 52–56 (in Russian)].
- Комаревцева Н.С., Гайфутдинов Р.И. Россия и Турция в контексте нового Тюркского мира. *Вопросы политологии*. 2022. № 3 (79). С. 761–772 [Komarevtseva N.S., Gayfutdinov R.I. Russia and Turkey in the Context of the New Turkic World. *Political Science Issues*. 2022. No. 3 (79). Pp. 761–772 (in Russian)].
- Независимая газета*. 15.12.2025 [Nezavisimaya Gazeta (= Independent Newspaper). 15.12.2025 (in Russian)] https://www.ng.ru/cis/2025-12-15/1_9401_alphabet.html (дата обращения: 17.03.2026).
- Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Decree of the President of the Russian Federation No. 229, March 31, 2023 “On approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation” (in Russian)] <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 19.08.2025).
- Юйянь Ч. Организация тюркских государств (ОТГ): происхождение, мотивы, особенности и влияние. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2023. Т. 17. № 1. С. 78–87 [Yuyan Zh. Organization of Turkic States: Origin, Motives, Particularities and Influence. *Bulletin of Perm University. Political Science*. Vol. 17. No. 1. 2023. Pp. 78–87 (in Russian)].
- Budapest Declaration of the Extraordinary Summit of the Organization of Turkic States*. 2025. <https://turkicstates.org/u/f/budapest-declaration.pdf> (accessed: 12.11.2025).
- Charter of the Turkic World*. 2024. <https://turkicstates.org/u/Charter.pdf> (accessed: 01.09.2025).
- Declaration of the Eighth Summit of the Organization of Turkic States*. Istanbul, 2021. <https://www.turkicstates.org/en/news/istanbul-declaration-of-the-8th-summit-of-the-organization-of-turkic-states> (accessed: 23.09.2025).
- Declaration of the Eleventh Summit of the Organization of Turkic States*. Bishkek, 2024. https://www.turkicstates.org/u/d/temel_belgeler/bishkek-declaration.pdf (accessed: 11.10.2025).
- Dukić A., Vuletić D., Milenković M. The relations between Russia and Turkey in the context of contemporary international events. *Vojno delo*. 2022. T. 74. No. 1. Pp. 1–91.
- Garabagh Declaration of the Extraordinary Summit of the Organization of Turkic States*. 2024. https://www.turkicstates.org/u/d/temel_belgeler/garabagh-declaration.pdf (accessed: 03.11.2025).

Harutyunyan G., Vardazaryan M., Jilavyan S. Dynamics of Russian-Turkish relations after the Second Karabakh War: new priorities of national interests and strategies of struggle in the South Caucasus. *Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University*. 2025. Т. 4. No. 1 (10). Pp. 125–141.

Huntington S.P. *The clash of civilization and the remaking of world order*. New York: Simon and Schuster, 1996.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

БДОЯН Давид Гургенович – кандидат исторических наук, доцент, МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия.

David G. BDOYAN, PhD (History), Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia.

МАНАШИРОВ Эльдар Соломонович – НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Eldar S. MANASHIROV, HSE University, Moscow, Russia.